

Н. ГЕРСЕВАНОВ

Гоголь пред судом обличительной литературы

<фрагмент>

I

Вступление

Не исключая Карамзина и Пушкина, пользовавшихся в свое время огромным авторитетом, ни один писатель, не только в России, но и в древних и новых литературах, не пользовался такою популярностью, как Гоголь. Прошло восемь лет со дня его смерти, и слава его не только не упала, напротив — растет со дня на день. Книгопродавцы богатеют, не успевая печатать его произведений; театры, даже домашние, беспрестанно ставят его пьесы; молодое поколение знает наизусть целые тирады из «Мертвых душ»; литераторы всех партий, после смерти его врагов: Булгарина¹ и Сеньковского, — благоговеют пред ним. Он слывет патриотом, философом, мудрецом, поэтом, христианином, чуть не апостолом; он глава так называемой натуральной школы; одним словом, по известности и влиянию на потомство, только Вольтер может с ним спорить.

В этих очерках автор предполагает высказать, что слава Гоголя не заслужена им: не был он ни поэтом, ни христианином, ни философом, ни мудрецом, имея талант сатирический, он обладал невероятным искусством — показать товар лицом, — и в этом состояло главное его достоинство, в этом заключается разгадка колоссального поистине успеха. Второстепенные причины содействовали гораздо менее.

То были:

Всего менее — талант, весьма посредственный, мелкий, сатирический.

Род им избранный; площадная, грязная сатира, по плечу большинства русских читателей.

Современное положение тогдашнего русского общества.

Но сии три причины недостаточны были возвысить его до второго плана, на котором остались многие современные писатели, не уступавшие ему талантом; например Квитка². Повторяем, главная, почти единственная причина его успехов заключается в редком даре — заискивать у людей нужных, слиться с их интересами и, под личиною усердия, заставить их действовать в свою пользу. В этом отношении ни один Молчалин древних и новых времен не может идти с ним ни в какое сравнение. Строгие моралисты называют это — подлостью.

Читатели, которые могут подумать, что автором руководили какие-нибудь личные отношения, предупреждаются, что автор этих очерков ни разу не видел Гоголя и главного врага его Булгарина; не имел с ними никаких сношений ни лично, ни письменно; знаком ни с одним из тех лиц, коим адресованы многочисленные его письма. *Ill Galba, Ofho, Vitellius nec beneficio, nec injuria cogniti*, — следственно, личных отношений никаких не могло быть.

Главным источником известий о Гоголе служили автору печатные материалы и в особенности переписка, помещенная в пятом и шестом томах его сочинений, изданных в 1857 году; изданные Кулишем³ записки о жизни Н. В. Гоголя С.-Петербург, 2 т. 1854 г., и немногие статьи, помещенные в разных журналах.

При сем автор просит извинения у многочисленных приятелей; Гоголя, к коим адресованы его письма. Согласившись на обнаружение писем, из коих девять десятых должны бы быть тотчас сожжены, они дали всякому право говорить печатно о их отношениях к Гоголю и, следственно, о них самих. Еще более просит автор прощения у почтенной матери и сестер Гоголя. Автор смотрит на своего героя, конечно, не с той точки, как нежная мать и любящие сестры. Каждое слово автора будет для них большою неприятностью. Что ж делать? гласность имеет свои неотъемлемые права. Автор дает слово быть скромным, не раскрывать семейных тайн, которые, при жизни родных, не должны являться в свет.

Чем же был Гоголь? спросят многочисленные его обожатели.

Он был нищий лакей, ненавистник русской женщины, клеветник ее, клеветник России.

<...>

